

«Осколки» В ТРАДИЦИИ

Коллективная монография

*Составители и редакторы
Е.Е. Левкиевская, Н.В. Петров, О.Б. Христофорова*

Москва

2020

УДК 398
ББК 82
074

*Работа выполнена в рамках гранта
Российского научного фонда (проект № 14-18-00590)
«Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции:
сравнительно-типологическое исследование».*

074 «Осколки» в традиции: Коллективная монография /
Сост. Е.Е Левкиевская, Н.В. Петров, О.Б. Христофорова. М.:
Неолит, 2020. — 304 с. — (Традиция–текст–фольклор: типо-
логия и семиотика).

ISBN 978-5-6044697-2-9

В книге рассматриваются процессы утраты и разрушения, воспроизводства и трансляции текстов, сюжетов, обрядов в традиционной культуре. В разделах монографии, написанных фольклористами, этнолингвистами и этнографами, показывается, как происходит утрата культурного знания, а также то, что остается в результате забвения — разнообразные редуцированные, «осколочные» формы, которые в одних случаях постепенно исчезают из традиции, а в других — служат материалом для рождения новых форм и в преобразованном виде продолжают свое существование в культуре. Издание предназначено специалистам в области фольклористики, этнографии, культурологии и всем интересующимся народной культурой.

УДК 398
ББК 82

ISBN 978-5-6044697-2-9

© Коллектив авторов, 2020
© Издательский дом «Неолит», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Левкиевская Е.Е., Петров Н.В.

Воспроизводство и трансляция культурной информации
в устной традиции: метафора «осколков» 7

I. «Осколки» в письменных текстах

Неклюдов С.Ю.

Обречен ли царевич? О сюжетной реконструкции
фрагментарных памятников традиционной словесности 19

Радченко Д.А.

«Бог был, Бог есть, Бог будет»: флуктуация
религиозных мотивов в «святых письмах»
и «письмах счастья» 82

II. «Осколки» в устных текстах

Иванова А.А.

О теоретическом потенциале фрагментарных вариантов
в контексте полевого интервью 99

Петров Н.В.

«После традиции»: «осколки» русского эпоса 122

Новиков Ю.А.

Следы архаичных традиций в дефектных текстах былин 136

Макаров С.С.

Историческая динамика имени и образа
мифологического персонажа:
случай якутского духа охоты 154

Соловьева А.А.

Осколки прошлого
в современной монгольской демонологии 167

III. «Осколки» в обрядах

Наумова Ю.Н.

«Собачьи» обряды и их «осколки»
в традиции младенчества и детства 187

Рычкова Н.Н.

Как жители Самойловского района Фоме штаны шили 201

IV. «Осколки» в вернакулярной религиозности

Левкиевская Е.Е.

Биографии религиозных специалистов
в межпоколенной передаче культурной информации 215

Христофорова О.Б.

«Это всё наши предки»: конструирование из «осколков»
в кубинской сантерии 246

Аннотации / Abstracts 285

Авторы / Authors 295

О книжной серии 299

ВОСПРОИЗВОДСТВО И ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСТНОЙ ТРАДИЦИИ: МЕТАФОРА «ОСКОЛКОВ»

Коллективная монография «“Осколки” в традиции» объединяет в себе статьи, анализирующие процессы утраты и разрушения элементов (текстов, сюжетов, обрядов) в традиционной культуре. Рассматриваемый аспект является частью более обширной темы воспроизводства и трансляции культурной информации в устной среде. Современная фольклористика в последние годы посвящает много внимания другому аспекту этой темы — механизмам памяти, запоминания и сохранения информации в культуре. Настоящая монография рассматривает противоположный процесс — как происходит забвение, утрата культурного знания, а также то, что остается в результате забвения — разнообразные редуцированные, «осколочные» формы, которые в одних случаях постепенно исчезают из традиции, а в других служат материалом для рождения новых форм (в результате контаминации, вторичной семантизации и др.) и в преобразованном виде продолжают свое существование в культуре.

С этой точки зрения метафора «осколков» представляется уместной для обозначения круга самых разных элементов традиции, находящихся на разных стадиях редукции, разрушения и вымывания из коллективной и коммуникативной памяти общества: сакральных и магических текстов, мифологических и эпических сюжетов, жанровых форм, ритуальных действий и др. Первая и естественная ассоциация, которая рождается при мысли об «осколках», связана с археологическими реликтами — остатками орудий труда, обломками древней керамики, по которым можно попытаться восстановить утраченные предметы. Однако такую ассоциацию нельзя признать точной. В отличие от обломков материальной культуры, пассивно и неподвижно лежащих в земле до обнаружения их археологами, «осколки» устной традиции продолжают в ней функционировать и вза-

имодействовать с другими ее элементами, оказывая активное влияние на ее дальнейшее развитие, формируя ее актуальное состояние. В некотором смысле отдельные «осколки» могут стать основой для реорганизации и воспроизводства новой традиции. Вот почему представляется важным не просто констатировать наличие неполных, разрушающихся форм в традиционной среде, а попытаться описать их появление не как «порчу» традиции, как было принято в рамках редуccionистской парадигмы, а как присущие ей постоянно происходящие системные процессы, имеющие регулярные механизмы и определенные закономерности.

Наиболее важный и сложный вопрос, который возникает при наблюдении над подобными процессами, касается категории регулярность/спорадичность: очевидно, что при наличии системных, регулярных процессов распада вербальных и акциональных форм и возникновения на их основе новых образований (того, что можно назвать трансформациями традиции) существуют плохо осмысленные и почти не описанные нерегулярные, спорадические процессы изменения текстов, сюжетов, обрядов, от которых остаются «осколки», в том или ином виде присутствующие в актуальной традиции. Если выявление регулярных процессов трансформации определенных элементов традиции при известной целеустремленности и внимательном анализе материала не представляется невыполнимой задачей, то исследовать и описать спорадически образующиеся «осколки» на порядок сложнее, поскольку для этого нет ни достаточного материала (обрывочные, фрагментированные тексты, как правило, выпадают из внимания собирателя и исследователя), ни апробированных методов. Пожалуй, только исследования, посвященные истории фольклора, допускают операции по реконструкции устных текстов. В особенной степени это относится к тем случаям, когда речь идет о фольклорных традициях, предположительно лежащих в основе письменных памятников древности или Средневековья (а отчасти — и Нового времени). Для этого используется термин «палеофольклор», который чрезвычайно удачно описывает такие гипотетически существовавшие устные тексты, к которым возводятся, например, произведения книжного эпоса, отдельные фрагменты исторических хроник и религиозно-магических текстов. Однако в данной об-

ласти чрезвычайно остро стоит проблема верификации предлагаемых реконструкций, которые обычно строятся на данных письменных источников и типологически однородных традиций. В зависимости от состояния и уровня развития науки, от методологических (и даже идеологических) установок исследователя подобные реконструкции бывают достаточно убедительными или, напротив, совершенно произвольными, что, впрочем, может и не воспрепятствовать их принятию национальной культурой.

Книга, которую читатель держит в руках, имеет основную цель — поставить саму проблему функционирования «осколков» в традиционной сфере, очертить круг связанных с ней вопросов и попытаться дать ответы на некоторые из них. Авторы надеются, что это поможет привлечь внимание научного сообщества к исследуемой проблеме и послужит основой для дальнейшей дискуссии.

При синхронном и диахронном подходах к «осколочным» явлениям различного происхождения возникают разные проблемы. При синхронном изучении традиции исследователь зачастую сталкивается с фольклорными текстами разного качества и степени информативности: одни варианты более полные и содержательные, другие более лапидарные, короткие, обрывочные. С одной стороны, полнота/неполнота текста зависит от степени включенности рассказчика в традицию, хорошего/плохого знания сюжетов, а также от общего уровня сохранности традиции в данном сообществе. Этот уровень зависит от многих обстоятельств — сохранности автохтонного населения, уровня миграции, социальных катаклизмов, осознания членами сообщества собственной традиции как ценности, позволяющей поддерживать этнокультурную идентичность, или, напротив, не представляющего важности «пережитка». Для понимания степени полноты/неполноты находящихся в нашем распоряжении текстов также важны вопросы качества исследованности традиции: насколько хорошо она описана, каким количеством записей того или иного сюжета располагает фольклорист, есть ли у нас записи более ранних периодов, каково соотношение полных, развернутых текстов и «кратких» форм. Носители традиции в разной степени владеют существующей в ней информацией, поэтому при полевом обследовании опрос

максимального числа информантов дает нам некоторую (хотя и неполную) гарантию объективности наших представлений о данной культуре. Неравномерность владения культурной информацией разными членами социума актуализирует проблему коллективной и индивидуальной памяти и их роли в сохранении и передаче информации в сообществе. В одних случаях «осколки» информации в индивидуальной памяти могут быть результатом забывчивости отдельного человека или его неполной включенности в традицию и компенсироваться хорошей сохранностью этого фрагмента знания в памяти других членов сообщества. В других случаях эти «осколки» в индивидуальной памяти одного носителя традиции могут быть единственным сохраняющимся реликтом информации, уже утраченной коллективной памятью сообщества. С другой стороны, при синхронном аспекте представляются важными прагматические особенности фиксации текстов. В частности, следует отметить, что полнота получаемой собирателем информации в каждом конкретном интервью во многом зависит от удачи/неудачи коммуникативной ситуации, от особенностей последней — например, информант может сознательно «сжимать» или «разворачивать» сюжет и/или текст.

Безусловно, сам термин «осколки», вынесенный в заглавие книги, отнюдь не бесспорен и достаточно расплывчат с точки зрения классической фольклористики. В самом деле, вариативность и диалектность являются неотъемлемыми характеристиками фольклора, а они предполагают синхронное существование в памяти сообщества некоторого количества разных по объему вариантов одной инвариантной формы и географический принцип распределения этих вариантов в локальных диалектах. Имеем ли мы право в данном случае говорить о некоторых из этих вариантов как об «осколках», а если и имеем, то какие из сосуществующих в традиции вариантов следует считать таковыми? Нам представляется, что основным критерием «осколочности» того или иного варианта является не столько степень его полноты/краткости, развернутости/редуцированности, сколько процесс его десемантизации, при котором из текста (сюжета, обряда) вымываются сюжетообразующие звенья, частично или полностью меняющие его смысл.

Проблема «осколков» становится наиболее очевидной не столько при синхронном взгляде на традицию, сколько с точки зрения диахронии. При диахронном подходе одной из проблем при анализе фольклорных текстов является доминирующая в отечественной фольклористике исследовательская оптика, ориентированная на трансляцию идеи о «постепенном разрушении традиции», «вымывании из текста деталей», «редукции сюжета или обряда». Подобный взгляд на традицию подразумевает наличие в ее далеком (или недалеком) прошлом некоего «эталонного», максимально полного текста (обряда, верования и пр.), который со временем подвергается «порче» — исчезают отдельные мотивы и обрядовые действия, утрачиваются смыслы.

В действительности мы не до конца понимаем, каковы критерии выделения исследователем из традиции «полного» и «разрушенного» текста. По большей части мы говорим об этих признаках, основываясь на исследовательском, но интуитивном ощущении «полноты/ущербности» текста, не опираясь на формальные, объективные показатели. Возникает и еще один вопрос: находятся ли представления о разрушенном и полном тексте лишь в голове исследователя, который мыслит инвариантами в отличие от носителя традиции, который оперирует вариантами? Рефлексии по поводу степени сохранности/разрушенности традиции, «осколков» ранее существовавших, но ныне распадающихся или распавшихся сюжетов принадлежат скорее сознанию собирателей и исследователей, т.е. взгляду «извне», чем самой традиции, носители которой, как правило, воспринимают ее состояние как данность и не способны (или малоспособны) рассматривать свою культуру в диахронии. Имея дело с совокупностью нарративов, с той или иной степенью полноты воспроизводящих определенную культурную информацию (сюжет, мотив), исследователь вслед за фольклористами финской школы сравнивает эти тексты с неким гипотетическим инвариантом, сформированным в головах ученых на основе знания данной традиции и родственных ей культур. Проблема «полноты/ущербности» функционирующей в актуальной традиции информации плохо верифицируема, поскольку по отношению к живой традиции трудно выработать сколько-нибудь объектив-

ные, строгие показатели «норм» и «стандартов», определяющих степень ее сохранности, полноты и развитости.

Безусловно, мы наблюдаем и полное исчезновение некоторых форм (жанров, обрядов). Например, записать в XXI веке былинку от аутентичного носителя — большая редкость. Но исчезновение из традиции того или иного жанра, элемента сюжета или обряда происходит постепенно — это достаточно длительный процесс, во время которого вымывающийся из культуры фрагмент в процессе своего разрушения проходит ряд этапов и состояний. Однако даже при вымывании из традиции целого жанра его отдельные тексты могут сохраняться в другом «формате», отчасти изменив свою жанровую природу и сферу функционирования. Например, фрагменты былины могут исполняться в качестве колядок — они «обрастают» рефренами, свойственными колядкам, приобретают соответствующую мелодику. Похожий процесс в русской традиции в XX в. произошел с целым рядом духовных стихов, которые, будучи включенными в погребальный обряд, стали частью народного отпевания покойников. Однако фольклор может идти еще дальше, не только меняя жанровую природу и приспособляясь к более популярным элементам культуры, но и функционируя в условиях, казалось бы, совершенно неподходящих для трансмиссии устной традиции. Так, те же былины, в XXI в. исполняемые «постсказителями» со сцены или в рамках воркшопов, успешно конкурируют с произведениями массовой культуры.

Проблема «осколков» тесно связана с проблемой успешной/неуспешной межпоколенческой передачи информации — традирования. В частности, при анализе степени «осколочности» традиции иногда бывает необходимо учитывать тот факт, что в одном ареале степень сохранности культурной информации у следующих друг за другом поколений может колебаться подобно маятнику под влиянием различных социальных факторов, а отнюдь не уменьшаться по нисходящей, как принято считать. Летом 1986 г. одному из авторов этих строк пришлось обследовать куст деревень, располагавшихся вокруг села Сура Пинежского р-на Архангельской обл. В некоторых из этих сел наблюдалась парадоксальная ситуация: культурная память информантов 65–75 лет была удивительно скудной и представляла собой бессвязный набор фрагментов и обрывков знания, тогда

как информантки на поколение младше (то есть их дочери) демонстрировали весьма неплохое владение местной традицией. В результате расспросов выяснилось, что в середине 30-х гг. XX в. люди старшего поколения, которым тогда было 14–20 лет (возраст, когда происходит наиболее активное овладение традицией, системой текстов и обрядов), были угнаны на лесозаготовки и на длительный срок оторваны от семей и стандартного уклада деревенской жизни, а по возвращении тяжело работали в колхозе, поэтому у них не сформировалось целостного знания своей традиции. Тогда как их дочери преимущественно 1940–50-х гг. рождения воспитывались бабушками, рожденными на рубеже XIX–XX вв., и переняли от них значительный (но отнюдь не весь) корпус культурной информации. Этот пример показывает, что традиция обладает достаточно сильными защитными механизмами и до определенной степени способностью к регенерации: утратив в одном поколении большую часть культурного наследия, она способна восстановить значительную его часть в следующем за счет передачи информации через одно поколение. Эта ситуация вполне уместно описывается словами О. Мандельштама: «И не одно сокровище, быть может, минуя внуков, к правнукам уйдет...» На этом примере и других можно сделать вывод об очень важном механизме коллективной памяти — воспроизводстве культурной информации через поколение. Он также показывает, что наше представление о регрессивном воспроизводстве традиции (при котором каждое последующее поколение обладает меньшей по объему и худшей по качеству культурной информацией, чем предыдущее) может быть ошибочным.

Авторы научных работ на конкретных примерах пытаются проследить, как происходит процесс разрушения, какие фрагменты текстов, практик, верований вымываются первыми, а какие являются наиболее устойчивыми, ключевыми, обеспечивающими узнаваемость практики, жанра, сюжета, мотива, текста. При исследовании традиционных форм культуры до сих пор неоправданно мало уделялось внимания тому, что происходит с «осколками» текстов, сюжетов, ритуальных формул в традиции — существуют ли они изолированно в коллективной памяти и со временем исчезают или же притягиваются к более актуальным и устойчивым элементам традиции, изменяя их семанти-

ку и структуру, в результате чего и происходит трансформация традиции, обеспечивается ее жизнеспособность? Отчасти этого вопроса в свое время касался еще Казимир Мошиньский, в своем труде «Kultura ludowa Słowian» постулировавший способность мифологических мотивов относительно свободно отделяться от одних мифологических образов и присоединяться к другим, более сильным и частотным: «отдельные демонологические элементы почти никогда не становятся исключительной собственностью одного какого-нибудь демона, наоборот, они странствуют свободно, ведя в известной степени как бы самостоятельную жизнь; также их генезис является невиданно разнородным» [Moszyński 1967: 602].

Разделы книги рассматривают существование «осколков» в четырех сферах: в письменных текстах, в устных текстах разных жанров, в ритуалах и в вернакулярной религиозности.

Первый раздел содержит работы С.Ю. Неклюдова и Д.А. Радченко. В работе «Обречен ли царевич? О сюжетной реконструкции фрагментарных памятников традиционной словесности» С.Ю. Неклюдов подробно рассматривает возможность восстановления фрагментированных текстов древнеегипетской традиции на примере сказки, обычно называемой «Обреченный царевич» (или «Обреченный сын фараона», XIII в. до н. э.). Изучение литературных памятников такого рода предполагает обязательный компаративный контекст, включающий и поздние устные варианты, поскольку без включения изучаемого текста в соответствующие типологические ряды невозможно понять его подлинное значение в традиции, а также прояснить темные места в повествовании. Процесс забвения первоначальных смыслов текста и его перекодировки в новых жанровых формах, функционирующих в культуре, может касаться не только архаичных форм, но и относительно новых, письменных текстов. Такой процесс прослеживается в статье, написанной Д.А. Радченко: «Бог был, Бог есть, Бог будет»: флуктуация религиозных мотивов в «святых письмах» и «письмах счастья». Автор детально анализирует этот процесс на примере корпуса квазирелигиозных текстов (т.н. «писем счастья»), распространенных в Ленинграде в 80-х гг. XX в.

Во втором разделе книги представлены статьи, посвященные «осколочным» формам в устных текстах разных жанров. В рабо-

те А.А. Ивановой «О теоретическом потенциале фрагментарных вариантов в контексте полевого интервью» на примере заговора и сказки предлагается конкретный метод анализа «сценариев», по которым происходит редукция текста и утрата им отдельных фрагментов. Важное условие, при котором выявление таких «сценариев» становится возможным, — наличие базы полевых материалов, где зафиксированы не только полные, но и фрагментарные тексты, которые, к сожалению, часто отбрасываются исследователями как «ущербные», «ненужные», хотя их фиксация дает возможность понять, как происходит воспоминание и воспроизводство текста информантом, опирающимся при этом на относительно автономные «композиционные фрагменты» и воссоздающим разные таксономические уровни — текстовый, авантекстовый и сверткстовый, представляющий собой своего рода «инструкцию» по владению текстом.

Одним из важнейших жанров, на который обращали внимание практически все видные фольклористы XIX и XX вв., оказывается былина. В работах, посвященных русскому эпосу, рассматриваются процессы забывания/воспроизводства традиции. Н.В. Петров в статье «“После традиции”: “осколки” русского эпоса» анализирует исчезновение жанра былин, исследует вопросы выявления наиболее устойчивых элементов текста и анализа. Автор обращает внимание на сохранность основных мотивов былины при практически полной редукции текста — и, несмотря ни на что, на достаточность этих пунктирных элементов для идентификации сюжета носителем. При этом автор ставит вопрос о существовании «постсказителей» — одновременно и исследователей, и собирателей, и исполнителей, которые успешно воспроизводят эпические тексты, называя этот процесс исполнительством. С другой стороны, в данном разделе рассматривается проблема анализа «дефектных», фрагментарных текстов былин. В работе Ю.А. Новикова «Следы архаичных традиций в дефектных текстах былин» автор на примере ряда эпических текстов показывает, что во фрагментарных вариантах, прозаических пересказах былин иногда сохраняются оригинальные детали и формулы, отсутствующие в полнокровных текстах эпических песен.

«Сжимание» культурной информации может происходить и другим образом, особенно характерным для «сворачива-

ния» мифологических представлений, когда происходит количественная редукция. В этом случае ряд мифологических персонификаций, входящих в единый класс, постепенно начинают восприниматься как единый персонаж. Такой процесс рассмотрен в статье С.С. Макарова «Историческая динамика имени и образа мифологического персонажа: случай якутского духа охоты». В ней рассматривается группа якутских мифологических персонажей, некогда образовавших единый класс духов-хозяев (*иччи*) леса, известных под именами *байанаи* или *эскээны*. В настоящее время в якутской мифологии представление о множественности подобных духов угасло, а термин *Байанаи* осмысляется как личное имя одного духа, покровительствующего охотникам. Статья А.А. Соловьевой «Осколки прошлого в современной монгольской демонологии» ставит своей целью проследить, как в актуальных монгольских нарративах реализуются воспоминания об атеистическом, советском периоде, когда демонологические представления оказались под запретом как «суеверия и предрассудки». «Следы» этого периода находят свое отражение в нескольких сюжетах, в частности: встреча пропагандиста-атеиста с представителями потустороннего мира; встреча пропагандиста с шаманом, который демонстрирует шаманские чудеса; чудеса, которые происходят на могилах репрессированных лам.

В третьем разделе монографии собраны работы, анализирующие функционирование «осколочных» форм в обрядах разных типов. Одним из устойчивых механизмов редукции элементов традиции является процесс «сворачивания» культурной информации по линии: ритуальное действие — стоящее за ней мифологическое представление — термин, обозначающий обрядовый предмет — десемантизация термина, означающая разрыв семантической связи между термином и мифологическим представлением. Пример такого «сворачивания» информации анализирует Ю.Н. Наумова в работе «“Собачьи” обряды и их “осколки” в традиции младенчества и детства». Она рассматривает казахские обряды родильного цикла, особое значение в которых отводилось представлениям о собаке, ритуальным действиям и вербальным формулам с ее упоминанием. Отдельное внимание в статье уделено обряду выхода из сорокадневия и ритуальной практике, связанной с заменой первой рубашки

младенца на новую одежду, а также обряду имянаречения. На примерах, записанных в экспедициях, автор показывает, как в данных ритуальных практиках отразились противоречивые представления о нечистоте и священности собаки, а также то, в каких традиционных элементах они до сих пор сохраняются. Методологические сложности возникают при реконструкции семантики обряда, особенно если речь идет о переселенческой традиции. Работа Н.Н. Рычковой «Как жители Самойловского района Фоме штаны шили» рассматривает два основных варианта обряда, называемого «шить Фоме штаны», зафиксированные в двух соседних селах в традиции украинских переселенцев Самойловского р-на Саратовской обл. Это разновидность праздничного застолья, приуроченного ко второй половине дня Радуницы. В одном селе застолье имеет поминальную семантику, а его участниками являются все жители села, в другом случае обряд под таким же названием имеет черты скорее «женского» праздника продуцирующего характера. Н.Н. Рычкова ставит вопрос: какая семантика обряда является более ранней, первичной, и можно ли говорить о том, что в первом селе обряд утратил черты «женского» праздника под влиянием общих поминальных смыслов Радуницы?

В завершающем, четвертом разделе содержатся две работы, анализирующие проблему «осколков» в вернакулярных религиозных практиках. Статья Е.Е. Левкиевской «Биографии религиозных специалистов в межпоколенной передаче культурной информации» посвящена конструированию биографий религиозных специалистов в старожильческом украинском анклаве Саратовской обл. «Осколочные» воспоминания о тех, кто в советское время выполнял заместительные функции священников, по сути являются механизмом поддержания локальной идентичности украинцев этого анклава. В работе делается следующий вывод — в коллективной памяти сохраняются те сведения о религиозных специалистах, которые в той или иной степени опираются на имеющиеся в восточнославянской традиции культурные модели и мотивы. О.Б. Христофорова в работе «Это всё наши предки»: конструирование из «осколков» в кубинской сантерии» показывает, как из фрагментов генетически разнородных традиций — мифо-ритуальных систем Западной Африки и европейского католицизма — конструировалась новая, слож-

ная и при этом хорошо «скроенная» религиозная система *Регла де Оча-Ифа*, или сантерия. Автор показывает, какие элементы религии йоруба сохранились в Новом Свете, а какие исчезли; какие элементы католицизма вошли в сантерию, а какие «не прижились» в ней, и почему так произошло. Проблематизируя концепт «синкретизация», О.Б. Христофорова рассматривает его в контексте теории символического сопротивления и подробно анализирует семантические и прагматические аспекты процесса слияния разнородных «осколков» в новое единство.

Все работы, представленные в настоящей коллективной монографии, на очень разном материале убедительно показывают, что так называемые «осколочные», «дефектные», «разрушающиеся» культурные формы отнюдь не лежат в традиции мертвым грузом, а являются «строительным материалом», который, трансформируясь, часто изменяя семантику и первоначальную жанровую природу, сливаясь с другими формами, служит основой для создания новых элементов, продолжая свое существование на следующих этапах вечно изменчивой традиции.

ЛИТЕРАТУРА

- Moszyński 1967 — *Moszyński K. Kultura ludowa słowian. Warszawa, 1968. T. II. Cz. 2.*